

Рос. юстиция. – 1995. – № 3. – С. 17-22. 8. *Зейкан Я.П.* Захист у кримінальному праві. – К.: Вид-во КНП, 2006. – 596 с. 9. *Кудрявцев В.Н.* Право как элемент культуры // Право и власть: Сб. ст. – М.: Изд-во МГУ, 1990 – С. 35-42. 10. *Мартышин О.В.* Несколько тезисов о перспективе правового государства в России // Гос-во и право. – 1996. – № 5. – С. 3-13. 11. *Нор В.* Публічність і диспозитивність у кримінальному процесі України: суть, пріоритети, взаємодія, сфера // Проблеми державотворення і захисту прав людини: 36. ст. – Л.: Львів. держ. ун-т, 2003. – С. 533-537. 12. *Маляренко В.Т.* Про публічність та диспозитивність у кримінальному судочинстві України та їх значення // Вісн. Верхов. Суду України. – 2004. – № 7. – С. 2-9. 13. *Навроцька В.В.* Засада диспозитивності та її реалізація у кримінальному процесі України. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – К., 2006. – 18 с. 14. *Петрухин И.Л.* Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России // Гос-во и право. – 2002. – № 5. – С. 17-29. 15. *Прилуцкий П.* Проблеми істини в теорії кримінального судочинства // Право України. – 2004. – № 4. – С. 41-46. 16. *Попелюшко В.О.* Ще раз про спрощену процедуру правосуддя // Судова реформа в Україні: 36. наук. ст. – К.: Юрінком, 2002. – С. 246-248. 17. *Розовский Б.Г.* Ненаучные заметки о некоторых проблемах уголовного процесса. – Луганск: РИО ЛАВД, 2004. – 598 с. 18. *Строгович М.С.* Уголовный процесс: Навч. посіб. – М.: Изд-во М-ва юстиции СССР, 1946. – 511 с. 19. *Шишкін В.* Диспозитивність – принцип судочинства // Право України. – 1999. – № 6. – С. 10-17. 20. *Шмаленя С.* Негативне в скороченні судового слідства // Вісн. прокуратури. – 2003. – № 6. – С. 38-43.

Надійшла до редакції 20.12.2007 р.

УДК 343.121 (477)

*Л.А. Богословская, канд. юрид. наук, доцент
Национальная юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого, г. Харьков*

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ЕГО ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Конституционные нормы, определяющие содержание основных свобод, прав и законных интересов личности, гарантируют их защиту и возможность их реализации. Правовой статус личности содержит в себе право на защиту чести, достоинства, свободы путем использования уголов-

но-правовых, уголовно-процессуальных, гражданско-правовых, административно-правовых способов. Судебная защита – один из способов защиты законных интересов личности, а право на защиту своих интересов является составной частью ее общеправового статуса, закрепленного в

нормах права. Этот общеправовой принцип служит базой для соответствующих общеправовых принципов, в том числе и уголовно-процессуальных, среди которых особое место занимает *принцип обеспечения обвиняемому права на защиту*.

Строгое соблюдение этого права при полном и объективном проведении досудебного следствия не только не препятствует изобличению и наказанию лиц, виновных в совершении преступления, но и дает правильное направление в принятии решений следователем. Предъявлением обвинения следователь обеспечивает право обвиняемого знать, в чем он обвиняется. А это ему необходимо, чтобы определить свое отношение к обвинению, оспаривать его, приводить доводы, заявлять ходатайства в свою защиту. Для следователя же выяснение позиции обвиняемого, его доводы, оценка представленных им доказательств, исполнение его обоснованных ходатайств является средством проверки правильности избранного хода расследования дела.

Получив копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого, обвиняемый имеет возможность, используя свои права, сам или с помощью защитника решить вопрос о способах и средствах защиты своих интересов – давать правдивые

показания или ложные, отказаться от дачи показаний, признать себя виновным полностью или частично и т.п. Интерес у обвиняемого сначала возникает, отражается в его сознании, осознается верно или в искаженном виде, а затем уже реализуется через вступление его в различные правоотношения.

Способами защиты обвиняемого являются приемы, методы, которые применяются им для достижения поставленной цели по оправданию либо смягчению уголовной и гражданско-правовой ответственности.

Средство защиты – это предусмотренная законом уголовно-процессуальная деятельность обвиняемого, направленная на реализацию защиты своих интересов в материальном смысле по его оправданию или смягчению ответственности.

В уголовно-процессуальном кодексе не раскрывается содержания понятия «*законный интерес*», не во всех нормах уголовно-процессуального права, где речь идет о субъектах правоотношений, прямо выражены интересы, которые они преследуют в деле, однако почти во всех нормах эти интересы присутствуют.

В настоящее время отсутствует четкая доктрина, что собой представляет законный интерес, чем конкретно он отличается от субъективных прав. «Данный ас-

пект является объектом исследования различных специалистов в области права, – пишут А.В. Малько и В.В. Субочев, – однако, вне всякого сомнения, полученные и накопленные результаты теоретических исследований должны быть систематизированы, сведены воедино и представлены в виде целостной концепции. Сделать это представляется возможным не только путем определенных теоретических разработок, но и с помощью целостного методологического подхода, который будет черпать основной источник получения знаний в практическом, фактологическом материале и адекватном и объективном его обобщении» [5, с. 15].

Следует отметить, что категория «законные интересы» широко используется в международных правовых документах. В частности, согласно принципам независимости судебных органов, принятым в 1985 г. на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, каждый человек имеет право на судебную защиту своих прав и связанных с ними разнообразных охраняемых законом интересов в судах [6, с. 326-328].

Она часто встречается и в постановлениях Конституционного Суда Украины, других актах государственного реагирования на нарушения прав и интересов

участников уголовно-процессуальных правоотношений. Однако при широком применении термина «законный интерес» и в постановлениях Пленума Верховного Суда по уголовным делам нет разъяснений этому понятию.

Официальное толкование категории «законный интерес» впервые было дано Конституционным Судом Украины в Решении от 1 декабря 2004 г. по Конституционному представлению 50 народных депутатов относительно отдельных положений Гражданско-процессуального кодекса Украины. В нем указано, что содержание интереса в широком понимании Основной Закон Украины не раскрывает, а указывается на «национальные интересы», «интересы национальной безопасности», «политические, экономические, социальные, культурные интересы, интересы гражданина», «интересы государства» и т.д. Обращая внимание на наличие таких интересов, Конституция подчеркивает необходимость их обеспечения (о чем сказано в ее ст. 18), удовлетворения (ст. 36), защиты (статьи 44 и 127). В этом Решении Конституционного Суда указывается, что в соответствии с ч. 1 ст. 8 Конституции охраняемый законом интерес находится под защитой не только закона, но и объективного права в целом, которое господствует в обществе,

в частности; справедливости, поскольку интерес в узком понимании определяется общим содержанием и является его составной частью.

Конституционный Суд пришел к важным выводам о том, что проведенный им системный анализ свидетельствует, что понятие «охраняемый законом интерес» во всех случаях его употребления в законах Украины в логико-смысловой связи с понятием «права» имеет одно и то же значение (решение суда касалось разъяснения рассматриваемого термина относительно ч. 1 ст. 4 Гражданского процессуального кодекса Украины). В Решении было разъяснено, что интерес может быть как охраняемый законом, правоохранительным, законным, так и незаконным, т.е. не защищаемым ни законом, ни правом, не должен удовлетворяться или обеспечиваться им, поскольку он направлен на ущемление прав и свобод иных физических и юридических лиц, ограничивает защищенные Конституцией и законами Украины интересы общества, государства или всех соотечественников или не отвечает Конституции, законам Украины или общепризнанным принципам права.

Конституционный Суд пришел к выводу, что понятие «охраняемый законом интерес» означает правовой феномен, кото-

рый: а) выходит за пределы содержания субъективного права; б) является самостоятельным объектом судебной защиты и других способов правовой охраны; в) имеет цель удовлетворения индивидуальных и коллективных потребностей; г) не может противоречить Конституции и законам Украины, общественным интересам, общепризнанным принципам права; д) означает стремление (неюридическую возможность) пользоваться в пределах правового регулирования конкретными материальными или нематериальными благами; е) рассматривается как простое легитимное дозволение, т.е. такое, которое не запрещено законом.

Из этого довольно обширного разъяснения можно сделать вывод, важный для уголовного процесса: конституционное право обвиняемого на защиту распространяется не на защиту любого интереса, а только на ту его часть, которая направлена на установление истины по делу и служит интересам правосудия в целом.

Относится ли это утверждение ко всем видам показаний обвиняемого?

Являясь центральной фигурой в расследуемом деле, обвиняемый всегда преследует свой личный интерес, вокруг которого концентрируются процессуаль-

ные интересы различных субъектов процесса. Поэтому от работы органов досудебного следствия, прокуратуры и суда, от эффективности и качества их деятельности, создания условий и реальной возможности использовать свои права в значительной мере зависят охрана, защита и удовлетворение законных интересов каждого участника процесса, в том числе и обвиняемого.

В теории и практике уголовного процесса показания обвиняемого могут быть классифицированы на 2 группы: (а) показания относительно предъявленного обвинения и (б) показания о действиях других лиц и связанных с этими действиями обстоятельствах. По отношению обвиняемого к предъявленному ему обвинению его показания классифицируются на (а) показания, в которых он признает себя виновным полностью или частично, (б) показания обвиняемого, не признающего себя виновным или отказавшегося от дачи показаний. Возможны и такие виды показаний обвиняемого, как самооговор и оговор.

Объем процессуальных прав обвиняемого определяется в каждой стадии уголовно-процессуальным законом в пределах, необходимых для установления истины, в том числе и для охраны законных интересов обвиня-

емого. Из принципа установления объективной истины вытекает правило: обвинительный приговор является результатом доказанной виновности подсудимого, а не ошибки, допущенной им при защите своих законных интересов. Из анализа статей 43, 142 и 263 УПК вытекает, что закон прямо предусматривает право обвиняемого не давать показания. При этом уместно, считаем, вспомнить высказывание А.Я. Вышинского по этому вопросу: «Обвиняемый может сознаться или не сознаться, давать правдивые или лживые показания, — от этого ни в какой мере не должны зависеть ни ход следствия, ни его результаты. С другой стороны, активное участие в следствии обвиняемого, нередко проявляющего свою активность для того, чтобы сбить следствие с правильного пути, запутать и замести следы своего преступления, также не должно ни в какой степени влиять на расследование дела и работу следователя, обязанного действовать в соответствии с собственным планом следственных мероприятий, с собственными интересами, определяемыми исключительно задачей всестороннего освещения дела, установления судебной истины. Поэтому обвиняемый в уголовном процессе не должен рассматриваться как единственный и самый достоверный источник

этой истины» [3, с. 262, 263].

Сложность понятия «*законный интерес*» вызвала полемику, много лет продолжающуюся на страницах юридической печати. Важно учитывать одно обстоятельство, вытекающее из различных суждений: в уголовном процессе действие презумпции невиновности не оставляет сомнений в законности интереса обвиняемого во всех случаях добиваться выяснения обстоятельств, оправдывающих его или смягчающих его ответственность за совершенные преступные действия.

«Говоря об интересах обвиняемого, – подчеркивает А.Д.Бойков, – следует различать два вида таких интересов: стремление защищаться – материально-правовой интерес, всегда законный, и стремление использовать те или иные средства защиты – процессуальный интерес, который в некоторых случаях может быть незаконным (использование заведомых лжесвидетелей, подложных документов и т.п.» [1, с. 62]. Как видим, обвиняемый волен в выборе способов своей защиты, и его позиция далеко не всегда совпадает с интересами правосудия, но ее нельзя квалифицировать как незаконную. Подобные противоречия объяснимы тем, что он не несет ответственности за дачу заведомо ложных показаний, его ложные

показания не могут (и не должны) использоваться в качестве обвинительных доказательств, а также тем, что факт отрицания обвиняемым своей вины не является отягчающим обстоятельством.

Преследуя свой интерес, он вправе заявлять различные ходатайства и далеко не всегда желает их обосновывать. Это может быть ходатайство об освобождении из-под стражи, о прекращении дела, о назначении защитника, о возвращении дела на дополнительное расследование и т.п. При этом необходимо учитывать одно из важнейших требований уголовно-процессуального права: закон запрещает перелagать на обвиняемого обязанность доказывания. Его обязанность обосновывать свои ходатайства несовместима с принципом обеспечения его права на защиту.

Указывать, для каких именно обстоятельств необходимы дополнительные доказательства, – не значит обосновывать ходатайство. Когда обвиняемый не представляет фактических данных, а ходатайство может иметь значение для дела, оно подлежит удовлетворению. Это правило, на наш взгляд, касается только обвиняемого (подозреваемого, подсудимого); остальные участники процесса обязаны указать, для установления каких обстоятельств они ходатайствуют о про-

изводстве каких-либо следственных действий.

Присутствие на допросах и производстве других следственных действий является средством защиты в силу того, что обвиняемый, используя его в интересах защиты, может задавать с разрешения следователя вопросы участвующим в действиях лицам, делать устные и письменные замечания по поводу полноты и правильности записей в протоколе следственного действия и т.п. Если применялась звукозапись при производстве досудебного следствия, «при предъявлении участникам процесса материалов дела в связи с окончанием досудебного следствия звукозапись воспроизводится обвиняемому и его защитнику» (ч. IV ст. 85¹ УПК). Вопросы задаются и замечания вносятся с целью реализации интересов обвиняемого. Это средство защиты возникает у обвиняемого с момента появления его в процессе.

Дача показаний по предъявленному обвинению – одно из важнейших средств защиты обвиняемого. Отказ от дачи показаний, дача правдивых показаний, воспользование правом на ложь – действия, полностью зависящие от волеизъявления обвиняемого. Он имеет полное право выбрать любое из них. Одни ученые сообщаемые обвиняемым сведения склонны считать

обвинительными доказательствами [7, с. 296], другие ставят под сомнение доказательственное значение этих показаний [8, с. 15-17]. Вряд ли можно согласиться с утверждением, согласно которому ложные показания обвиняемого – это косвенные обвинительные доказательства. В любом случае обвиняемый преследует единственную цель – смягчить обвинение или освободиться от ответственности, даже при даче ложных показаний. В случаях, когда ложность показаний совершенно очевидна (что подтверждается совокупностью доказательств), когда показания обвиняемого ставятся под сомнение или опровергаются, все равно считаться отягчающими обстоятельствами они не могут. Обвиняемый не свидетельствует против себя, в противном случае право на самозащиту превратится в чистую фикцию.

Не останавливаясь на всех видах показаний обвиняемого, которым посвящена обширная юридическая литература, уделим внимание самоговору и оговору обвиняемого. Самоговор как разновидность показаний обвиняемого признается обычным доказательством и, как и всякое иное доказательство, проверяется, оценивается в совокупности со всеми другими. Из права обвиняемого на защиту вытекает его право давать ложные показа-

ния. К такому выводу можно прийти путем анализа положения закона о том, что обвиняемый не несет уголовной ответственности за дачу ложных показаний, может их менять по нескольку раз, избирать любую линию защиты, что не считается нарушением никаких правовых запретов и норм УПК. Задача органов досудебного следствия состоит в том, чтобы устранить из следствия все, что мешает полно и правильно расследовать дело. Сам факт дачи обвиняемым ложных показаний, оговаривая себя или других лиц, не должен приводиться в обвинительном заключении и приговоре суда как доказательство виновности, ибо не всегда, кто лжет, бывает виновным. Запрета давать ложные показания обвиняемым в законе нет, но в силу своего должностного положения орган, в производстве которого находится дело, обязан установить *мотивы самооговора или оговора*.

Самооговор – это заведомо ложные показания обвиняемого, в которых он признает себя виновным в совершении преступления, которого он не совершал. Его мотивы могут быть различны: (а) желание быть осужденным, чтобы избежать ответственности за совершение более тяжкого преступления; (б) стремление выгородить соучастников, приняв на себя их вину, полагая, что те

добьются его освобождения и будут оказывать материальную помощь ему или членам его семьи; (в) порыв выгородить близкого родственника, друга, члена семьи; (г) это может быть также болезненное состояние душевнобольного; (д) желание сократить срок следствия и пребывания под стражей, полагая, что с передачей дела в суд дело будет рассмотрено быстрее и объективнее и он будет реабилитирован, и т.п.

Практика свидетельствует, что неполнота и необъективность расследования дела потенциально способствует появлению ложных показаний обвиняемого. Апатия, отчаяние, состояние озлобленности обвиняемого, вызванные обвинительным уклоном расследования, – это зачастую та нежелательная ситуация, которая способствует появлению самооговора. Последний может быть также результатом внушения следователем одному из соучастников мысли, что его роль в деле второстепенна, что признание поможет ему избежать суровой ответственности или когда следователь обещает снизить обвиняемому меру наказания при его чистосердечном раскаянии, и т.п.

«Свобода от самообвинения в уголовном процессе, – утверждает В.П. Шибико, – означает отсутствие в уголовном и уголовно-

процессуальном законодательстве ограничений лица в выборе при производстве допроса органом расследования или судом своей линии поведения при наличии альтернативы – давать показания по тем обстоятельствам, которые уличают это лицо в совершении преступления, или же воспользоваться правом на отказ от дачи показаний» [10, с. 264], или использовать ложные показания, за что обвиняемый не будет нести никакой ответственности.

Оценивая показания обвиняемого на досудебном следствии, сопоставляя их с другими доказательствами, суд обязан выяснить, не был ли обвиняемый поставлен в такие условия, которые вынудили его принять на себя чужую вину. При проверке заявлений обвиняемого о нарушении закона в стадии досудебного следствия как о причине самоговора суд должен исходить из презумпции невиновности обвиняемого, а в отношении следователя или оперативного работника действует презумпция их добропорядочности, поэтому нужны доказательства, чтобы ее опровергнуть.

В связи с дачей обвиняемым ложных показаний вызывает практический интерес вопрос о восстановлении имущественных прав обвиняемого, пострадавшего в результате неправомерных

действий должностных лиц правоохранительных органов. Не подлежит возмещению ущерб, если обвиняемый путем самоговора препятствовал расследованию преступления и тем самым способствовал наступлению для него неблагоприятных имущественных последствий. Для принятия решения об отказе в возмещении ущерба должно быть доказано наличие самоговора, повлекшего за собой следственную или судебную ошибку. Таким образом, в качестве санкции за ложь обвиняемый лишается права на возмещение ущерба.

Условиями, при которых самоговор может считаться доказанным, установленным, а в силу этого реабилитированному может быть отказано в возмещении ущерба, являются следующие:

а) внешне самоговор должен быть выражен в показаниях обвиняемого, зафиксированных в протоколе;

б) он должен быть умышленным, т.е. обвиняемый провоцирует ситуацию, которая должна убедить следователя и суд в его виновности, в результате чего были приняты меры принуждения, повлекшие за собой причинение обвиняемому имущественного вреда.

в) самоговор снимает вопрос о возмещении ущерба только в том случае, если он не был вынужден.

Если же ложные показания получены путем насилия, угроз, обмана, уговоров – он не может быть причиной отказа в возмещении вреда. В подобных случаях установлению истины препятствовал не сам обвиняемый, а следователь, который своими незаконными действиями принудил невинного к ложным показаниям.

Но главным является то, что, как и всякое другое доказательство, самооговор не освобождает органы досудебного следствия и суд от обязанности всесторонне исследовать все обстоятельства дела в совокупности. Показания обвиняемого, не признающего себя виновным, является отправным моментом для следователя в плане производства следственных действий в целях опровержения его показаний или их подтверждения.

Разновидностью ложных показаний обвиняемого является оговор – показания обвиняемого в отношении действий других лиц. Оговор, по определению Л. Владимирова – «...мутный источник – черпать из него следует осторожно, и оценка достоверности его сложна» [2, с. 291]. Установив, что обвиняемый лжет, оговаривая других, следователь должен выяснить мотивы оговора: это желание отомстить лицу, преследование личной выгоды, либо стремление сбить след-

ствие с пути, запутать, замести следы и т.п.

Оговорить заведомо невинное лицо можно либо добросовестно ошибаясь, либо умышленно. В процессуальных правовых источниках высказана точка зрения, согласно которой такой вид доказательств, как показания обвиняемого в отношении других лиц, вообще нельзя именовать оговором до момента, пока это доказательство «не будет рассмотрено в установленном порядке и будет признано ложным, не соответствующим действительности» [4, с. 28].

Рассматривая оговор как особую группу показаний обвиняемого, М.С. Строгович полагает, что «в уголовном процессе правильность или неправильность, правдивость или ложность показаний заранее не известны и устанавливаются лишь в результате оценки уже полученного и проверенного показания...», если оговором называют показание, ложность которого уже установлена (очевидно, вступившим в законную силу приговором, отвергнувшим данное показание как ложное), понятие оговора теряет процессуальное значение и оно не годится для обозначения доказательства» [9, с. 428].

Показания обвиняемого могут быть направлены как против других обвиняемых по делу, так и против лиц, не привлеченных к

уголовной ответственности. Это могут быть косвенные факты виновности лица, отдельные элементы состава преступления или же сообщение о совершенном преступлении в полном объеме. При оценке оговора обвиняемого необходимо учитывать не только то объективное значение, которое преследует обвиняемый, давая заведомо ложные показания, выгораживая себя, но и субъективное отношение самого обвиняемого к ним.

Оценивая доказательственное значение оговора, следует установить: (а) мотив, которым руководствуется обвиняемый,

оговаривая другого обвиняемого или других лиц, и (б) невозможность распространения на обвиняемого уголовной ответственности за дачу заведомо ложного оговора.

Назначение прав, предоставленных обвиняемому Конституцией Украины и уголовно-процессуальным кодексом, – служить защите законных интересов лица, привлеченного к уголовной ответственности. Существующие уголовно-процессуальные гарантии дают возможность обвиняемому защитить те интересы, которые отражаются в реализуемом праве на защиту.

Список литературы: 1. Бойков А.Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. – М.: Юрид. лит., 1978. – 173 с. 2. Владимиров Л. Учение об уголовных доказательствах. – СПб.: Изд. кн. маг. «Законоведение», 1910. – 400 с. 3. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Госюрлитиздат, 1950. – 306 с. 4. Гродзинский М.М. Понятие оговора в уголовном деле // Соц. законность. – 1953. – №1. – С. 20-44. 5. Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. – СПб.: Юрид. центр «Прогресс», 2004. – 342 с. 6. Международная защита прав человека: Сб. документов / Сост. Мелков Г. – М.: Юрид. лит., 1990. – 672 с. 7. Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. – Кемерово: Б.и., 1962. – 296 с. 8. Петрухин И. Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого // Сов. юстиция. – 1965. – №7. – С. 15-17. 9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Т. I. – М.: Наука, 1968. – 459 с. 10. Шибико В.П. Процессуальные гарантии свободы от самообвинения в советском уголовном процессе // Актуальные проблемы формирования правового государства: Сб. науч. ст. – Харьков: Юрид. ин-т, 1990. – С. 282-285.

Надійшла до редакції 07.03.2008 р.